

ПОСЕЛЕНИЕ АЛАТ – УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА
(ПОСВЯЩАЕТСЯ 90-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА Е.А.БУКЕТОВА)

Гатаулин А.Р., м.г.н. преподаватель;
Муратова М.Б., ст. лаборант
Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова
г. Караганда, Республика Казахстан

1 сентября 1972 г. газета «Индустриальная Караганда» сообщала: «Первое сентября нынешнего года станет замечательной датой в истории Центрального Казахстана. В этот день состоялось открытие Карагандинского государственного университета» [1]. Торжественное собрание, в котором приняли участие представители общественности города и гости из многих республик СССР, посвященное открытию Карагандинского государственного университета, прошло 1 сентября 1972 г. в актовом зале нового корпуса университета по ул. Гоголя, 38.

Ректором университета был назначен известный учёный член-корреспондент АН Казахской ССР, доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР Е.А.Букетов. О многогранности его таланта, о богатстве творческой природы говорит тот факт, что будучи ректором, Е.А.Букетов заведовал кафедрой физической химии, вел занятия на химическом факультете, не прерывал научную и деловую связь с Химико-металлургическим институтом АН КазССР, заведовал научно-исследовательской лабораторией химии халькогенов и халькогенидов, руководил дипломными работами студентов-филологов по литературе и принимал участие в работе Государственной экзаменационной комиссии филологического факультета [2, с. 17; 3]. В почетной и очень ответственной должности ректора КарГУ он состоял до января 1979 года [3, с. 603].

Несмотря на активную, неутомимую работу в сфере химии Е.А.Букетов был очень разносторонним человеком – всерьез занимался писательским творчеством и поэзией, был переводчиком и литературным критиком, интересовался историей родной страны. Неудивительно, что став ректором КарГУ, Евней Арыстанович отдал много сил и энергии на развитие исторического факультета, и в частности – на активизацию работ карагандинских археологов на территории области.

Необходимо отметить, что с открытием Карагандинского государственного университета в развитии региональной высшей школы Центрального Казахстана начался совершенно новый этап, так же, как и в истории самого Карагандинского университета. Началось активное развитие в регионе различных направлений исследований, далеко не последним, из которых стало масштабное археологическое изучение края силами археологов и специалистов, привлеченных из других регионов КазССР.

Во многом благодаря инициативе Е.А. Букетова в развитии археологии нашей области произошли существенные позитивные изменения. В 1976 г. на историческом факультете была создана лаборатория археологических исследований (заведующий — В.В.Евдокимов), при которой много лет существовал научно-исследовательский археологический отряд «Краевед». Собранные в ходе экспедиций материалы легли в основу создания музея археологии и этнографии, который был открыт в 1981 г. и сразу стал гордостью университета и исторического факультета. В настоящее время экспозиция музея размещена в 20 витринах, представляющих все эпохи человеческой истории, хозяйство и быт казахского народа, древние тюркские каменные изваяния, реконструированное погребение эпохи бронзы. Коллекция резной кости, найденная в ходе многолетних исследований поселения Кент, является уникальной не только для Карагандинской области, но и для других подобных музейных экспозиций Республики Казахстан.

Одним из наиболее ярких и показательных археологических памятников, имеющих важное значение для современного понимания древней истории Сарыарки, является поселение Алат, относящееся к концу бронзового века региона. Обнаруженные здесь постройки и артефакты обрисовывают картину высокого развития хозяйства и культуры наших предков.

Поселение металлургов бронзового века Алат расположено в Каракаралинском районе Карагандинской области, в 220 км. к юго-востоку от города Караганды в Кентском горно-лесном массиве на территории Каркаралинского национального парка. Поселение было основано на левобережной надпойменной террасе небольшой горной речки Кызылкеныш у подножия горного хребта, поросшего сосновым лесом. Общая площадь раскопа составляет 1361 м². Таким образом,

Алат располагается в типичном для рассматриваемого района ландшафте, будучи рационально в него вписанным, что указывает на специальный, преднамеренный выбор древними поселенцами места для его создания.

Жилая площадка поселения узкой полосой шириной от 20 до 70 м. протянулась вдоль террасы, почти на полкилометра примыкая с приречной северной стороны к обширной луговой пойме. На поверхности площадки фиксируются полтора десятка жилищных впадин округлой формы диаметром до 10 и более метров, глубиной до полуметра [4, с.10]. Береговая терраса, протянувшаяся с небольшими отклонениями по линии запад–восток, круто поворачивает на юге, переходя в террасу ручья Алат, впадающего в речку. Истоки ручья находятся в нескольких сотнях метров вверх по ущелью, где расположен перевал Алат, связанный с ущельем Карагаш. На левобережной террасе ручья Алат, в сотне метров от жилой площадки, расположено полдесятка жилищных впадин эпохи поздней бронзы, которые предстоит идентифицировать в культурно-хронологическом и планиграфическом аспектах с основным массивом сооружений поселения.

Интерес к поселению, открытому в 80-е годы прошлого столетия, был вызван находками кусков железистого шлака и железной руды в колеях грунтовой дороги, пролегающей через поселение. В 1991 г. казахстанские археологи заложили здесь первый раскоп площадью 81 м². На восточной окраине поселения расположена производственная металлургическая площадка (ПМП) [4, с. 10].

На левобережной террасе ручья Алат, в сотне метров от жилой площадки, расположено полдесятка жилищных впадин эпохи поздней бронзы, которые предстоит идентифицировать в культурно-хронологическом и планиграфическом аспектах с основным массивом сооружений поселения.

Стратиграфически на Алате выделено два строительных горизонта (две площадки) [4, с.10; 5, с. 61]. Верхняя площадка предназначалась для производства железа и частично бронзы (культурный слой до уровня 0,4-0,45 м.) а нижняя площадка – для бронзолитейного производства (культурный слой на уровне – 0,45-1 м.) от поверхности. Культурно-хронологический диапазон артефактов — Центрально-Казахстанский вариант общности культур валиковой керамики эпохи поздней бронзы. Площадки функционировали последовательно, в хронологических рамках эпохи поздней бронзы на рубеже II-I тыс. до н.э., примерно в XII-VIII вв. до н.э.

На обоих строительных горизонтах металлургической площадки сделано множество находок – каменные орудия металлургического производства, изделия из бронзы, кости, рога, многочисленная керамика, сильножелезистые шлаки, кусочки медной и железной руды.

В нижнем горизонте археологами были обнаружены следующие сооружения: 3 жилища-мастерские, остатки 4 бронзолитейных печей, производственные и столбовые ямы, зольники.

Также в нижнем горизонте зафиксированы 2 очага-кострища, 12 хозяйственных ям, 13 столбовых ям, 5 канавок в западной и жилище-мастерская в восточной части раскопа.

Жилище-мастерская 1 прямоугольной в плане формы, с сохранившимися частично 3 каменными стенами – две поперечные и одна продольная. Четвертая продольная стена, вероятнее всего, была разобрана для постройки трех печей верхнего горизонта.

Фундаменты стен по конструкции панцирные, сверху на фундамент толщиной 0,9-1,3 м укладывались послойно ряды плитняка. Размеры прямоугольного в плане жилища 7,2-5,1 м, площадь 37 кв.м, глубина котлована в материковом слое 0,3-0,4м. На полу жилища зафиксировано кострище – здесь располагался очаг. В заполнении жилища найдены фрагменты керамики, кости животных, изделия из кости и рога. За жилищем-мастерской найдены три мощных зольника толщиной до 1 м. Один из зольников был буквально забит костями животных - отходами сырья косторезного производства, утильсырьем (обрезки и неиспользованные части рогов маралов, лося, оленя; заготовки костяных изделий, в частности, различных рукоятей ножей, шильев, стамесок, отработанные орудия труда - совки из лопаточной кости, гребневидные орудия). Общий вес костей из зольников составляет несколько десятков килограммов. Такая концентрация костяных отходов возле жилища-мастерской свидетельствует о том, что здесь проживала семья мастеров косторезного дела.

Столбовые ямы, расположенные большим полукругом, остались от опорных столбов, составлявших ранее основу стенки, ограждающей производственную площадку со стороны ущелья от ветров, которые характерны как для всего региона Сарыарки, так и для района Каркаралинских гор в частности.

От жилища-мастерской 2 выявлены развалы каменной стены. По характеру находок жилище-мастерская 2 принадлежало семье бронзолитейщиков (отмечена бронзолитейная печь) и косторезов, специализирующихся по изготовлению как серийных, так и уникальных (резная кость, псалий) изделий из бронзы, кости и рога. Рядом с ранним жилищем-мастерской вскрыто ещё одно жилище-

мастерская семьи бронзолитейщиков и косторезов. Размеры котлована жилища 5,5 x 5,5 м, площадь 30 кв. м. На полу жилища зафиксированы бронзолитейная печь, 5 хозяйственных и 8 столбовых ям. Печь грунтовая, представляет из себя округлую в плане яму диаметром 0,32 м, глубина оставшейся части 0,13 м, стенки обмазаны слоем глины толщиной 2 см. На дне отмечен слой золы и пепла толщиной 2-3 см.

Рядом с печью в одном из восьми небольших лункообразных углублений найдены 3 бронзовые проколки. Найдены также 8 двулопастных втульчатых наконечников стрел, одна каменная литейная форма для отливки маленького долотца, шилья, проколки, 5 круглых бронзовых бляшек, кусочки медной руды. Часть бронзовых находок, в том числе наконечники стрел – определены как бракованные, специально выброшенные изделия, что является прямым подтверждением проведения литья в данной мастерской, и лишний раз доказывает, что Алат населяли профессионалы своего дела: мастера-металлурги.

О косторезном производстве в мастерской говорят находки трех десятков фрагментов костяных поделок, часть из которых орнаментирована резным циркульным орнаментом, нанесение которого требовало незаурядного мастерства. Особо интересен стержневидный роговой псалий от уздечного набора с тончайшей резьбой - по своей отделке, законченности форм не находящий пока аналогий. Это истинное произведение искусства древнего мастера-костореза, показывающее очень высокий уровень владения своим ремеслом. Данное обстоятельство позволяет предположить, что Алат в древности был местом проживания не только металлургов, но и других мастеров, специализирующихся на разных отраслях ремесленного производства.

Жилище - мастерская 3 с котлованом под прямоугольно – овальной формы с закругленными углами и закругленно - выгнутой противоположной входу задней стенкой котлована. Стенки котлована крутые, закругленных очертаний. Глубина котлована - 1,25 м от поверхности и 0,93 м в материковом слое. В середине северной стенки фиксируются выход шириною 0,66 м, длиной 1,2 м, который расширяясь в предвходовую камеру, выводит на площадку жилища - мастерской 2. Пол жилища ровный горизонтально снивелированный по склону. Зафиксированы остатки бронзолитейной печи, 2 хозяйственные ямы полтора десятка столбовых ям.

В заполнении и придонном слое жилищ - мастерских 1-3 найдены керамика, изделия из бронзы, камня, кости, заготовки изделий из кости и рога, кости животных.

Бронзолитейная печь представлена тремя подовыми ямами округлой формы диаметром 0,5 м, расположенными в ряд, средняя яма служила местом для установки меха, через который в крайние ямы со следами прокаленности (огневые, плавильные камеры) нагнетался воздух. В этих крайних ямах и производилась плавка медной руды.

В верхнем горизонте поселения археологами обнаружены 4 печи (горна), приспособленных для варки железа сыродутным способом, железная руда, сильножелезистые шлаки [4, с. 12]. Кроме этого, раскопаны 3 печи, 2 каменные производственно-бытовые постройки; 6 хозяйственных (производственных) ям, канавки, очаги, столбовые ямы.

Дошедшие до наших дней как археологические объекты 4 горна Алата представлены округлыми подовыми углублениями диаметром 1,5-2,4 м, глубиной 12-35 см, обложенными по краям плитняком и камнями в 1-2 слоя. Обязательным элементом конструкции являлся воздухопровод в виде траншейки усечено-овальной формы, глубиной до 5 см, длиной 1,5-3,9 м, с уложенным вдоль краев рядом плитняка и камней, на которые, вероятнее всего, поперек укладывались плиты перекрытия. Горны 1-2 были построены на специально подготовленной площадке – слое глиняной обмазки толщиной 3-5 см, скреплявшей деревянную платформу – основание толщиной 0,3-0,4 м. Горн как род печи, реконструируется в виде цилиндрической бочки, высотой не менее метра, сложенной из плитняка с купольно-шатровым сводом, со встроенным дымоходом и воздухопроводом, подведенным к основанию [4, с. 12-13].

В 3-4 метрах к востоку от горновой площадки размещались две прямоугольные в плане наземные постройки. От них сохранились 1-4 слоя фундаментно-цокольных рядов плит и камней, уложенных на грунт. Постройка 1 площадью около 50 кв.м имела выход в сторону горнов. На полу зафиксировано кострище, 2 хозяйственные ямы, 3 столбовые ямы. Постройка 2, расположенная параллельно, рядом с первой, имела площадь около 30 кв.м. Поперечная стенка делила помещение на две половины. Наличие очага, хозяйственных ям позволяет относить постройку 1 к разряду «производственной бытовки» - для отдыха, приготовления пищи. Постройка 2 отнесена к разряду складских сооружений.

В 3-5 метрах от построек, в 15-18 м от горновой площадки, выявлено три печи, размером 2,2-2,8x1,55-2 м, глубиной 0,2-0,6 м. Такие печи, вероятнее всего, служили для первичного, кучевого обжига железной или медной руды.

Выше по склону, в трех метрах от горновой площадки, зафиксировано 6 производственных ям длиной от полутора до трех и более метров, шириной до двух, глубиной до 0,5 м. Ямы прорезали частично производственные ямы нижнего горизонта.

К верхнему строительному горизонту относятся 3 зольника, секторовидной в плане формы, размерами по основанию 1,8-1,95 м. Мощность зольного слоя достигает 0,25 м.

В культурном слое раскопа найдены бронзовые, костяные, каменные изделия, фрагменты керамики, кости животных.

Изделия из бронзы: нож листовидный двулезвийный, черенковый; топор-тесло с плавным уступчатым перегибом от черенка к плоскому клинку с расширяющимся полуовальным лезвием; 3 наконечника втульчатых, двуперых стрел; браслет плоский, пластинчатый; 3 четырехгранных шила; 2 проколки; 4 плоских долота (одно фрагментарное); 2 пуговицы; заклепка; стамеска с рукоятью из рога марала; бритва черенковая; долото с упором; 2 долотца; кусок стержневидного прута; 2 бляшки; 2 бронзовые застежки; бронзовая заклепка.

Изделия из камня: плиты терочные – 6 целых и одна фрагментарная; 2 плиты – наковальни; пест; 2 мотыги с перехватом; 12 лоцил из расколотых галек; 2 каменных шарика с точечными углублениями на поверхности; 13 крышек овально – округлой или подтрапециевидной формы, из них 5 двустороннего использования; 2 точильных камня; литейная форма.

Изделия из кости: 2 костяные катушки; диск с ручкой; заготовка застежки; 2 рукояти; 2 псалия; заготовка пуговицы; несколько фрагментов костяных изделий; частично сохранившиеся 3 совка из лопаточных костей животных.

Были найдены куски железной руды и сильножелезистого шлака.

Коллекция керамики однородная, алексеевского типа имеет широкий круг аналогий с керамикой поселений общности культур валиковой керамики таких, как Алексеевское [6, с. 163-172], Копа 1 [7, с. 23-43], Атасу [8, с. 191-192], Кент [9] и другие.

Найдено два десятка фрагментов неорнаментированной станковой среднеазиатской керамики.

Керамика производственной металлургической площадки Алат относится в целом к алексеевскому типу. Керамика верхнего (позднего) строительного горизонта по ряду признаков и с учетом стратиграфии датирована в более узких хронологических границах рубежа II-I тыс. до н.э. Не противоречит данной датировке и хронология датирующих бронзовых изделий с раскопа – долот и наконечников стрел. К этому времени мы относим и верхний строительный горизонт с горнами для варки кричного железа, что позволяет относить начало производства железа в Центральном Казахстане к рубежу II-I тыс. до н.э.

Артефакты верхнего горизонта: набор каменных специализированных металлургических орудий, разнообразные изделия из камня, бронзы, кости, многочисленные фрагменты валиковой керамики, позволяющие датировать этот горизонт поселения концом бронзового века центральноказахстанских степей [7, с. 23-43; 8, с. 191-192].

Функциональное назначение сырдутных горнов, специфика ряда каменных изделий, наличие железной руды и железистого шлака, — все эти обстоятельства недвусмысленно указывают на существование здесь довольно развитого и продуктивного комплекса металлургического производства, подходящего под определение «производственная металлургическая площадка» (ПМП). Рассмотрим подробнее некоторые особенности технического базиса алатских мастеров.

Горны 1 – 2 были построены на специально подготовленных площадках – слое глиняной обмазки толщиной 3-5 см, который скреплял дресвяно-песчаное основание толщиной 0,3-0,4 м. Горн как специфический род печки, реконструируется в виде цилиндрической бочки, высотой не менее метра, сложенной из плитняка с обмазкой стенок глиной с купольно-шатровым сводом, со встроенным дымоходом и воздуховодом, подведенным к основанию.

Исследованиями установлено, что в таких горнах железо не плавляли, а варили, восстанавливая его путем химической реакции из железной руды при температуре свыше 1100°. Древние металлурги еще не могли достигать критической точки плавления железа в 1539°. Восстановленное посредством контролируемой химической реакции в огневой камере горна, в которую посредством мехов подавался воздух, загруженной последовательными слоями руды и топлива, железо в форме маленьких шариков скатывалось вниз, и как бы «спекалось» в пористую ошлакованную массу, кусок – крицу. Полученную таким путем крицу, весом в несколько килограммов, доставали из горна, для

чего последний приходилось частично разбирать, и путем механической проковки тяжелыми каменными молотами превращали в кричное, сварочное железо.

Позже, из полученного грубо обработанного листа такого железа кузнецы отковывали необходимые изделия. К сожалению, ни само кричное железо, ни изделия из него не сохраняются в поселенческих слоях из-за быстрой и интенсивной коррозии.

В трех метрах от горновой площадки расположены 2 каменные прямоугольные постройки площадью 50 и 30 кв. м, стоящие вплотную друг к другу. Первая постройка, судя по очагу, хозяйственным ямам, находкам керамики и нескольких орудий труда, служила, по всей вероятности, «производственной бытовкой» для отдыха мастеров, приготовления пищи. Постройка 2 отнесена к разряду складских сооружений, где могли храниться руда, крицы или готовые пластины металла.

Выше по склону террасы, в 3-4 м от горновой площадки, зафиксированы 6 хозяйственных (производственных) ям и 4 небольших зольника.

В 5 м. от построек, в 15 м от горновой площадки выявлено 3 печи. Такие печи, вероятнее всего, служили для первичного, кучевого обжига руды с целью удаления из нее части примесей.

Комплекс сооружений и находок верхнего горизонта Алата открывает новую страницу в истории металлургии железа племен Центрального Казахстана. Ранее первыми обладателями железного оружия и изделий в регионе считались саки-тасмолинцы. Но факт их наличия сам по себе еще не решал важнейшей проблемы происхождения железа, очага и времени его появления.

Металлурги-кузнецы Алата, отвечая на запросы своего времени, освоили во многих отношениях новый технологический процесс получения железа сыродутным способом, что стало возможным благодаря опыту, приобретенному ими за многовековую историю развития бронзолитейного дела.

Активные работы археологов на территории древнего поселения продолжаются и сейчас. Карагандинским областным департаментом культуры проводятся широкомасштабные комплексные исследования в рамках президентской программы «Культурное наследие». Археологические исследования металлургического комплекса Алата проведены в соответствии с Программой научно-исследовательских работ, выполняемых по договору с Карагандинским областным департаментом культуры. Так, например, в 2005 г. археологической экспедиции Карагандинского государственного университета им. Е.А.Букетова было выделено 1,5 млн. тенге. В соответствии с программой исследования выполнены все запланированные виды работ на поселении Алата, где исследуется производственная металлургическая площадка. Как нетрудно убедиться, Алата является интереснейшим памятником, по которому будет изучаться история позднего бронзового века Центрального Казахстана.

В заключение хочется сказать следующее: «один из главных исторических принципов гласит: все имеет свои истоки». Основы настоящего лежат в прошлом. Большие успехи карагандинских археологов, наблюдаемые нами сегодня – также во многом являются следствием неустанной работы, упорства и любви к родной земле первого ректора Карагандинского государственного университета, поставившего целью развитие региональной археологической школы. Современное изучение древностей края ведется, прежде всего, силами карагандинских археологов, и именно исторический факультет КарГУ является авангардом этого направления отечественной исторической науки. Таким образом, можно с гордостью сказать, что в наши дни добрый почин Евнея Арыстановича получил широкое развитие, и его мечта о познании истории Сарыарки силами высококвалифицированных карагандинских профессионалов плодотворно претворилась в жизнь.

Литература:

1. Индустриальная Караганда. – 1 сентября, 1972.
2. Даниярова А.Е. Академик Е.А.Букетов и его вклад в науку, образование и культуру Казахстана. Автореф. дис. – Астана, 2002. – 31 с.
3. Сарсеке М. Евней Букетов. // Жизнь замечательных людей. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 605 с.
4. Евдокимов В.В, Жауымбаев С.У. Раскопки на металлургическом поселении Алата эпохи поздней бронзы в Центральном Казахстане // Вестник КарГУ. – 2008. – №4 (52). – С. 10-21.
5. Арманшина С.Ф., Муратова М.Б. Исследования производственной площадки поселения Алата эпохи поздней бронзы в 2005-2011 гг. // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Жуасовские чтения-17», посвященные 75-летию исторического факультета КарГУ им. Е.А. Букетова. – Караганда, 2013. – С. 60-64.
6. Евдокимов В.В. Новые раскопки Алексеевского поселения на реке Тобол // Советская археология, 1975. – №4. – С. 163-172.
7. Евдокимов В.В, Ломан В.Г. Поселение Копы 1 // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана – Караганда, 1982. – С. 23-43.

8. Кадырбаев М., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алма-Ата, 1992. – 247 с.

9. Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987. – С.56-68.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Досова Б.А., к.и.н., доцент кафедры всемирной истории и мо;
Горовой В.В., к.и.н., доцент кафедры всемирной истории и мо;
Амрина М.С., к.и.н., доцент кафедры АЭиОИ
Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова
г. Караганда, Республика Казахстан

Статья посвящена анализу методологической основы советской исторической науки. Авторами дается оценка мнениям ученых советского и постсоветского периода относительно эффективности формационного подхода в современных условиях. Авторы делают вывод о том, что взятие за основу современными отечественными историками в качестве методологического сознания философии методологического плюрализма и принципа дополнительности даст возможность реабилитировать теорию общественно-экономических формаций.

Ключевые слова: историческая наука, методология, формационный подход, цивилизационный подход, методологический плюрализм, принцип дополнительности.

Каждая из наук, в тот или иной исторический отрезок времени, неизбежно сталкивается с проблемой обновления или пересмотра своего методологического инструментария. Историческая наука является не исключением. Более того, она подвержена таким процессам больше других наук в силу непосредственного отношения к судьбе человеческого общества. А общество людей, как живой организм, всегда требует постоянного мониторинга способов своего изучения. Тем более что историческая наука всегда была подвержена идеологическому влиянию. Например, советская историческая наука, методологической основой которой был формационный подход. В постсоветский период мы столкнулись с острой полемикой в отношении эффективности теории формаций в исторических исследованиях. Кто же прав в этом основополагающем вопросе постсоветской исторической науки, мы попытались разобраться в данном исследовании.

Необходимость в методологическом обеспечении возникает тогда, когда есть проблема, требующая решения. Старые методы при этом оказываются непригодными. Решение проблемы в этом случае требует знания широты связи объекта, выхода в культуру. В этом случае прослеживается связь науки и культуры, с помощью которой наука в процессе своего развития, особенно в кризисных ситуациях, черпает из культуры нормативы, обеспечивающие ее прогресс.

Важной особенностью методологической деятельности является то, что для ее осуществления исследователь расширяет поле своего зрения, как бы выходя за пределы своей науки, тех средств и представлений, того образа мышления и действия, которые являются для нее характерными. Является закономерным то, что в науке после периода, когда сложившийся стиль мышления не подвергается радикальным изменениям, наступает период глобальных научных революций, связанных с преобразованием стиля мышления, при этом отмеченные характеристики знаний подвергаются пересмотру.

В советский период методология исторической науки отражала тот культурный пласт действительности, в основе которой лежала коммунистическая идеология. Отцами-основателями данной теоретической выкладки, как известно, являются К. Маркс и Ф. Энгельс. В связи с этим, советские историки проявляли огромный интерес к их работам. Ни один труд, посвященный изучению истории человечества, не обходился без цитаты из произведений марксистов. В постперестроечный период интерес к марксистской теории не ослабел, так как большинство исследователей стали ее изучать для более конструктивной критики.

Основные работы К. Маркса и Ф. Энгельса раскрывали суть теории общественно-экономических формаций, а многочисленные комментарии и критика марксистской теории дали нам возможность определить положительные и отрицательные стороны данного подхода в историческом познании. В первую очередь необходимо отметить работы советских историков. Это работы М.К. Козыбаева, Б.Г.